

Шнайдер Владимир Геннадьевич

МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩИНЫ В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена проблемам практического использования некоторых методов и исследовательских приемов "новой локальной истории" и микроистории на примере изучения этнокультурной группы российских немцев, проживавших в г. Армавире с конца XIX в. до 1941 г. В работе затронуты способы выявления и исследования факторов самоидентификации и самосохранения небольшой этнокультурной группы в условиях длительного проживания среди численно преобладающего иноэтничного окружения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. III. С. 211-215. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. Кубанские новости. 2011. 19 ноября.
6. О государственной политике в сфере сохранения и развития традиционной народной культуры в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края № 1264-КЗ от 28.06. 2007 г. // Кубанские новости. 2007. 5 июля.
7. О культуре: Закон Краснодарского края от 3 ноября 2000 года № 325-КЗ // Информационный бюллетень Законодательного Собрания от 20 декабря 2013 г.
8. О наградах Краснодарского края за вклад в дело служения Кубанскому казачеству: Закон Краснодарского края от 1.06.2008 г. № 1518-КЗ // Кубанские новости. 2008. 10 июля.
9. О создании государственного учреждения Краснодарского края «Атамань» и внесении изменений в постановление Главы администрации Краснодарского края от 1.08.2007 г. № 695 «Об оплате труда работников государственных учреждений Краснодарского края»: постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 27 ноября 2009 г. № 1045 // Кубанские новости. 2009. 3 декабря.
10. О Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.: Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗРФ). 2012. № 52. Ст. 7477.
11. О Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 г. [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 5.09.2011 г. № 1538-р // Доступ из СПС «Консультант плюс».
12. Об образовании в Краснодарском крае [Электронный ресурс]: Закон Краснодарского края от 16.07.2013 г. № 2770-КЗ. URL: <http://www.rg.ru/2013/07/21/krasnodar-zakon2770-reg-dok.html> (дата обращения: 05.03.2014).
13. Об определении мест традиционного бытования народных художественных промыслов в Краснодарском крае [Электронный ресурс]: Постановление Главы администрации Краснодарского края от 21.10.2003 г. № 998. URL: <http://base.garant.ru/23972384/> (дата обращения: 05.03.2014).
14. Об утверждении долгосрочной краевой целевой программы «Культура Кубани (2012-2014 гг.)»: Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 9.09.2011 г. № 968 // Кубанские новости. 2011. 3 октября.
15. Об утверждении концепции развития общего, начального профессионального и дополнительного образования на основе историко-культурных традиций кубанского казачества: Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 9.07.2008 г. № 644 // Кубанские новости. 2008. 7 августа.
16. Основные направления государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в РФ до 2015 года (согласованы Правительством РФ от 1.06.2006 г. № МФ-П44-2462) [Электронный ресурс]. URL: <http://mkrf.ru/dokumenty/581/detail.php?ID=61208> (дата обращения: 20.01.2014).
17. Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12.12.2012 г. // Российская газета. 2012. 13 декабря.

**LEGAL FUNDAMENTALS OF TRADITIONAL POPULAR CULTURE REGULATION
(BY THE EXAMPLE OF KRASNODAR TERRITORY)**

Chunikhina Tat'yana Nikolaevna, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor
Kuban State Technological University
Tanithbook77@mail.ru

The article deals with the legal fundamentals of traditional popular culture regulation, which acquires special significance in the conditions of globalization negative influence on the immaterial cultural values of the state. The author draws special attention to regional legislative practice. The political and legal aspects of the maintenance and support of this area of social life development are characterized.

Key words and phrases: legal regulation; traditional popular culture; popular artistic trades; national and cultural identity; traditional popular culture bearer.

УДК 94(470)«18/19»

Исторические науки и археология

Статья посвящена проблемам практического использования некоторых методов и исследовательских приемов «новой локальной истории» и микроистории на примере изучения этнокультурной группы российских немцев, проживавших в г. Армавире с конца XIX в. до 1941 г. В работе затронуты способы выявления и исследования факторов самоидентификации и самосохранения небольшой этнокультурной группы в условиях длительного проживания среди численно преобладающего иноэтничного окружения.

Ключевые слова и фразы: этнокультурная община; социальный субстрат; факторы и символы этнокультурного единства; историко-демографический и локальный анализ; генеалогия; российские немцы.

Шнайдер Владимир Геннадьевич, д.и.н., доцент
Кубанский государственный университет (филиал) в г. Армавире
schneiderwg@mail.ru

**МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ОБЩИНЫ В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ[©]**

В статье «Этнокультурная община в городских условиях: опыт локально-исторического исследования», опубликованной в этом журнале в прошлом году [11], мы поделились своими соображениями в отношении

[©] Шнайдер В. Г., 2014

места локальной истории и микроистории в системе современной исторической науки. Кроме того, мы остановились на описании некоторых методов и приемов исследования, которые мы использовали на практике, изучая этнокультурную общину российских немцев, сформировавшуюся в Армавире (Кубанской области) в последней трети XIX в. Результаты этого исследования были отражены в монографии «Немцы Армавира» [12]. Нами были описаны основные группы источников, которые являются доступными и желательными для использования исследователями истории локальных этнокультурных общин: церковные метрические книги, поквартальные журналы регионального бюро технической инвентаризации, актовые книги местного ЗАГСа. Данный перечень можно было бы продолжить, но мы остановились на этом.

Кратко напомним, о чем шла речь. По данным об умершем человеке, вступающем в брак или принимающем крещение можно судить о миграционных потоках членов интересующей этнической (конфессиональной) группы, можно проследить и хронологию миграционных потоков. В частности, нами был описан прием выявления этой характеристики на основании анализа данных об умерших детях в возрасте до 5 лет.

Другим важным аспектом нашего исследования стал вопрос о длительности проживания немцев в Армавире, то есть, в сущности, вопрос об устойчивости состава общины. Здесь нам на помощь пришли актовые книги местного ЗАГСа. На этом примере нами описан метод выдвижения рабочей гипотезы: существование взаимосвязи усредненных показателей рождаемости и смертности с колебаниями численности общины. Очевидный тезис, хорошо «работающий» на примере больших величин, становится не столь очевидным, если речь идет об относительно небольшом числе изучаемых субъектов. А это был именно наш случай. В статье описано то, какие приемы позволят исследователю малых социальных групп (этнических, конфессиональных и т.п.) снизить уровень погрешности выведенных величин до возможного минимума.

Нами были описаны приемы выявления системы родственных и соседских связей, то есть способы определения «социального субстрата», в котором пребывала этническая общность.

Рассказать о других методах и приемах, использованных нами в процессе изучения истории локальной этнической группы в условиях провинциального города, нам не позволил объем статьи, и это стало причиной того, что в данной работе мы решили продолжить рассмотрение вопросов, поднятых нами в прошлом году.

В терминологическом отношении немецкую этнокультурную общность Армавира будет правильным рассматривать как социальную группу. Под социальной группой понимается любая относительно устойчивая совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями. В каждой социальной группе воплощаются некоторые специфические взаимосвязи индивидов между собой и обществом в целом в рамках определенного исторического контекста [7].

Остановимся на некоторых отличительных признаках социальной группы, которые стали предметом нашего интереса в рассматриваемом исследовании. Во-первых, это статика существования; во-вторых, это набор социальных норм и ценностей, репродуцируемых групповым контекстом.

Анализ колебаний численности и приемы определения устойчивой, то есть проживавшей в Армавире в течение ряда поколений группы немецких семей, были показаны нами в первой статье. Мы выявили, что около 60% армавирских немцев в конце 1930-х уже родились в Армавире или переехали в него вместе с родителями в младенческом возрасте.

Говоря о таком признаке социальной группы, как набор социальных норм и ценностей, репродуцируемых групповым контекстом, в нашем случае мы касаемся факторов и символов этнокультурного единства, относительно небольшой группы российских немцев в условиях провинциального города.

Способ определения социальных связей, по существу, выявляющих социальный субстрат, в котором пребывали немцы в Армавире, был рассмотрен нами в первой статье. Кроме этого, в монографии нами были затронуты такие факторы этнокультурной сплоченности, как семья и брак, религия и церковь, грамотность и язык, фактор компактности проживания.

Как определить, насколько важным фактором этнокультурного самосохранения для членов небольшой группы, пребывающей в численно преобладающем иноэтничном окружении, является брак? Иначе говоря, как определить, насколько велика была доля межэтнических браков как фактора размывания целостности этнокультурной общины?

Некоторое представление о семейно-брачных отношениях немцев Армавира в конце XIX – начале XX в. дают метрические книги лютеранского молитвенного дома.

При анализе признаков пар, вступающих в брак, в том числе показатель возраста, различия вероисповедания, подданства, повторного брака и некоторого другого, нами использовался статистический метод. Результатом этой работы стала сводная таблица по данным с 1899 г. по 1918 г. Всего были проанализированы данные по 1038 парам, что представляет вполне репрезентативным количеством.

В период с 1899 г. по 1918 г. протестантской (лютеранской) церковью Армавира зафиксировано девять браков с участием иностранцев. В большинстве это были подданные Пруссии – 7 браков. При этом в одном из случаев и жених, и невеста были из этого государства. Кроме того, был повенчан в Армавире один подданный Дании, а также вышла здесь замуж одна австрийская подданная [2, д. 108, л. 47, 58, 90, д. 113, л. 18].

На основе церковных метрических книг нами был составлен генеалогический справочник [12, с. 373-520], в нем оказались упомянуты представители 545 фамилий, включающих 1227 супружеских пар. Это были те немецкие семьи, которые заключили брак в армавирском лютеранском молитвенном доме, а также те семьи, которые окрестили в нём своих детей. Последние учитывались нами лишь единожды, то есть вне зависимости от числа их обращений к услугам пастора, кистера или учителя. Часть этих семей сложилась уже в Армавире,

но многие возникли ещё на прежнем месте жительства, например, в Поволжье. Материалы нашего генеалогического справочника не дают исчерпывающей информации о брачных отношениях всех немцев Армавира, так как известно, что среди них были и католики, и даже немного менонитов и православных. Кроме того, в справочнике оказались не учтены те немцы или немки, которые венчались в других храмах (нелютеранских). Однако известно, что немцы в нашем городе почти сплошь были лютеранами, а также логично было бы предположить, что часть не лютеран и не немцев могла также венчаться в лютеранском молитвенном доме. Вероятнее всего, в источниковой базе, на основе которой был составлен генеалогический справочник, могли оказаться те брачные пары, где супругом был немец, а супругой женщина другой национальности. Мы включили эти пары в справочник потому что, во-первых, при таком варианте семья принимала немецкую фамилию (за исключением единичных случаев), во-вторых, опять же за редким исключением, ребёнок считался немцем. Абсолютных показателей такой способ нам не даёт, но в сравнительных величинах, на наш взгляд, позволяет проследить изменение соотношения количества смешанных и моноэтнических браков.

Итак, обратимся к генеалогическому справочнику и подсчитаем, сколько смешанных браков было зафиксировано в период с 1890 г. до 1920 г. Сделать это довольно просто, если принять во внимание то, что в колонке «социальное окружение» жирным шрифтом выделены девичьи фамилии жён тех мужчин, чья фамилия вписана в первую колонку. По сути, наша работа сводилась к тому, чтобы выявить общее количество брачных пар и выделить в их числе процент женщин с немецкими девичьими фамилиями. Метод не безукоризненный, но другой возможности определить долю смешанных этнических браков в дореволюционный период у нас не было.

После проведённых подсчётов нам удалось выяснить, что из 1227 супружеских пар, отмеченных хотя бы единожды в церковных книгах молитвенного дома лютеран Армавира, 18 пар с большой долей вероятности могли быть смешанными, что составляет 1,47%. Этот показатель относится к бракам, где к немцам принадлежали мужчины. Из опыта известно, что женщины вступали в смешанные браки реже мужчин, и не только у немцев. Поэтому, даже если мы удвоим известный нам процент межэтнических браков у немцев Армавира в дореволюционный период, то не получим более 3%.

Таким образом, мы не имели точных данных о доле смешанных браков у немцев Армавира в дореволюционный период, но, зная точное их число у мужчин и учитывая, что женщины вступали в смешанные браки реже мужчин, мы вывели наиболее вероятную величину. На основании этих данных мы сделали вывод, что немецкая этнокультурная группа в Армавире в дореволюционный период подвергалась этническому размыванию в очень незначительной степени.

Далее мы рассматривали в работе такой фактор этнокультурной консолидации, как церковь.

Сложность исследования духовного мира представителей относительно небольших городских этнокультурных общностей заключается в том, что зачастую их представители не оставляют письменных источников. В такой ситуации велико искушение пуститься в предположения, домыслы и рассуждения, основанные на стереотипах и отрывочных сведениях. Как этого избежать? Попробуем показать на примере.

Согласно сведениям, собранным Кубанским областным правлением, в 1896 г. уже существовало армавирское Евангелическо-лютеранское приходское общество, которое имело школу [9, д. 133, л. 7]. Обычно у немцев, ещё по колониальной традиции, школа сочеталась с молитвенным домом. При этом нам известно, что здание молитвенного дома было построено к 1898 г. [5, с. 53].

Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. 20 немцев в Армавире исповедовали православие; трое были причислены к «старообрядцам и уклоняющимся от православия»; одна женщина принадлежала к армяно-григорианской церкви; 25 чел. были католиками; 1214 чел. – протестанты. Кроме того, шестеро человек, назвавших немецкий язык родным, исповедовали иудаизм [8, с. 78-79]. Таким образом, свыше 96% армавирских немцев были протестантами. Среди них были представители трёх конфессиональных групп. В 1897 г. в Армавире проживало 1189 лютеран (606 мужчин и 583 женщины); 30 реформатов (18 мужчин и 12 женщин) и 18 менонитов (9 мужчин и 9 женщин) [Там же, с. 58-59].

Таким образом, мы показали, что подавляющее большинство армавирских немцев в конце XIX в. были лютеранами или близкими им в конфессиональном отношении реформатами. Это можно рассматривать как важный консолидирующий фактор.

Раздел 5.4. монографии «Немцы Армавира» так и называется: «О грамотности, языке и национальном самосознании». Сложности исследования этой проблемы были теми же, что и в отношении изучения религиозной жизни немецкой этнокультурной группы города.

Нам точно неизвестно, на каком диалекте или диалектах немецкого языка говорили немцы Армавира. Вероятнее всего, их было несколько, так как немецкую этнокультурную группу, несмотря на подавляющее преимущество поволжских немцев, составляли выходцы из разных регионов России. Нам трудно судить об особенностях немецкого устного и письменного языков, которыми пользовались немецкие жители Армавира. Однако мы можем судить об их отношении к языку, как к фактору культуры, в том числе и религиозной. И в данном случае, связующую роль для этих явлений играла школа.

Наиболее важной функцией колониальных школ была подготовка детей к конфирмации. Таким образом, начальное школьное образование у немцев-колонистов было неразрывно связано с церковной и религиозной деятельностью. Поэтому почти всегда молитвенные дома были ещё и школами. Такая же ситуация складывается и в Армавире, где в 1898 г. было закончено сооружение лютеранского молитвенного дома. Армавирское евангелическо-лютеранское (немецкое) училище было открыто в 1889 г. [4, д. 15, л. 14]. Данная школа

являлась смешанной, так как здесь обучались как мальчики, так и девочки. Немецкое училище было сравнительно небольшим. По данным за 1901 г., здесь насчитывалось 86 учеников [3, д. 5798, л. 3]. Несмотря на бурный рост немецкой общины в Армавире в начале XX в., контингент учеников лютеранской школы на протяжении многих лет количественно практически не менялся.

В 1897 г., когда была проведена первая всероссийская перепись населения Российской империи, подавляющее большинство немцев, проживавших в Армавире, родились и получили образование именно в Поволжье. Анализ грамотности среди них дал картину, которая существенно отличалась от той, которую выявила перепись среди других наиболее крупных этнокультурных групп населения Армавира конца XIX в. Наряду с немцами нами были проанализированы данные по русским и армянам по возрастным группам.

Общая грамотность в Армавире была наиболее низка у русских. У армавирских армян она была выше, чем у русских во всех возрастных категориях. В этих двух случаях картина роста просвещения населения выглядела логично и вполне объяснимо, согласуясь с общей идеей прогресса и связанного с ней постепенного повышения образованности населения. Молодые были более образованы, чем люди старшего поколения, причём у армян это выглядело особенно наглядно. Число грамотных юношей-армян достигало в Армавире в 1897 г. 90%. Совершенно не вписываются в эту картину показатели грамотности по основным возрастным группам у немцев. Грамотных мужчин немцев старше 45 лет в среднем было больше, чем у русских и армян. С увеличением возраста этот разрыв увеличивался от 5 до 30%. При этом те немцы, кто был моложе 30 лет, были менее образованы, чем русские и тем более армяне. В этом случае наблюдалась совершенно противоположная тенденция – чем младше возрастная группа, тем меньше в ней грамотных людей. Очевиден вывод: немцы старших возрастных категорий обучались грамоте в колониях (в большинстве своём поволжских), где система образования в церковных школах имела сравнительно долгие и прочные традиции. В сравнении с чем? В данном случае с местами проживания русских до их переезда в Армавир. Надо сказать, что большинство иногороднего русского населения Армавира в 1897 г. были выходцами из губерний Центральной и Южной России, где к тому времени ещё совсем недавно существовало крепостное право. Очевидно, что и в Армавире как минимум до последних полутора-двух десятилетий XIX в. дела с образованием молодёжи обстояли не так хорошо, как в поволжских колониях.

Очевидно, что переехав на Кубань и нередко оказавшись в условиях, мелких арендаторских колоний, немцы не могли дать должного образования своим детям, прежде всего потому, что рядом не было молитвенных домов и школ при них. Образование на русском языке было для них почти недоступно, во-первых, по причинам социального характера, а во-вторых, потому, что они не знали, или очень плохо знали русский язык. Единственная же немецкая школа в самом Армавире была относительно мала, чтобы ее деятельность могла кардинально изменить к лучшему уровень грамотности всей немецкой молодёжи.

Таким образом, систему образования на немецком языке в Армавире в рассматриваемый период сложно назвать важным консолидирующим фактором. Скорее, можно говорить, что в данном отношении уже в дореволюционный период закладывались основы этнокультурного размытия, давшие свои плоды в советский период.

И последнее, о чем мы предполагали сказать в данной статье – это фактор относительно компактного проживания немцев в Армавире. На наш взгляд, это обстоятельство можно рассматривать как стремление к этнокультурной сплоченности относительно небольшой группы российских немцев в условиях иноэтничного окружения. Итак, имело ли место их компактное проживание?

Для выявления мест жительства немцев в Армавире нами использовался, прежде всего, список лиц, имевших право участвовать в первоначальном избирательном собрании для выбора гласных Армавирской городской Думы в 1915 г. [10]. В этом документе мы насчитали 82 домовладельца немецкого происхождения. Многие из них прослеживались и по метрическим книгам. Локализация их адресов на карте города того времени показала, что подавляющее большинство домовладений было сосредоточено в юго-западной части Армавира на площади примерно 15 кварталов. На северо-западе располагалось несколько домовладений, а в остальной части города их практически не было.

К 1915 г. число немцев в Армавире составляло 2866 чел. [6, с. 14]. То есть, уступая в численности коренным жителям примерно вдвое, в имущественном положении немцы проигрывали им многократно. И тут самое время задаться вопросом: где же проживали эти 2866 немцев? Даже если предположить, что в каждом из 82 домовладений Армавира, которые им принадлежали, проживало в среднем 6 человек, то общая численность немецкого населения города, обеспеченного собственной крышей над головой, едва превысит 500 чел. Остальные более чем 2300 чел., то есть подавляющее большинство немцев, личного жилья не имели. С большой долей уверенности можно говорить о том, что они снимали жильё, проживали в бараках (например, на кирпичных заводах) или других относительно приспособленных для жизни помещениях.

В 1928-1929 гг. число немцев, имевших в Армавире собственное жильё, значительно выросло. Согласно подворной инвентаризационной переписи этого времени, мы насчитали 180 немцев собственников жилья, что более чем вдвое превысило данные за 1915 г. Имея документально подтверждённые сведения о владельцах жилья в 1928-1929 гг. мы получили возможность коснуться проблемы квартирантов среди немцев. В этом нам помогли метрические книги архива ЗАГС г. Армавира за те же годы [1, д. 205, 226-251, 259-272, 281-310, 315-322, 329-340]. В сведениях о родителях новорожденных, о лицах, вступающих брак, а также об умерших обязательно указывался адрес их проживания. Таким образом, мы сопоставили полученные данные из материалов архива ЗАГС с данными подворной переписи в те же годы, и тем самым получили информацию о немцах, которые проживали по определённым адресам, но не владели этими домами.

То есть, с большой долей вероятности, они были квартирантами. Локализация адресов по карте показала, что почти все немцы-квартиранты проживали в юго-западной части города, то есть именно там, где мы обнаружили подавляющее большинство немцев-домовладельцев.

Общее количество домовладельцев немецкого происхождения в юго-западной части Армавира в конце 1920-х гг. составляла примерно 18%. Если прибавить к их числу тех немцев, которые арендовали жилплощадь, то их доля может быть увеличена до 26,4%. На южной окраине города в границах примерно 18-ти кварталов доля немецких домовладений составляла 34%, а вместе с квартирантами почти 41%. В целом в юго-западной части города большинство домовладельцев были русскими. Любопытно, что в данном районе города почти не было домовладельцев армян. Это тем более примечательно, что в других районах города не редко были кварталы, сплошь состоявшие из домовладений представителей этой этнической части горожан.

Таким образом, нам удалось выявить, что этнокультурная группа немцев была локализована в Армавире достаточно компактно, что можно рассматривать в качестве важного фактора их консолидации.

В завершение нашей статьи хотелось бы обратить внимание на то, что историки редко удостаивают своим вниманием историю отдельных этнокультурных групп (общин) в городах. Вместе с тем способы их самосохранения, равно, как и причины исчезновения, в условиях численно преобладающего иноэтничного окружения заслуживают особого внимания. Излишне напоминать, что в условиях бурной урбанизации современного общества наиболее интенсивные межэтнические и межкультурные контакты протекают именно в условиях города, и именно здесь они в наибольшей степени чреваты конфликтами.

Следуя убеждению, что данная тема важна и в исследовательском плане достаточно перспективна, нами были подготовлены две статьи, которые призваны продемонстрировать наш подход к изучению малых этнокультурных групп в условиях города. На конкретных примерах мы попытались продемонстрировать приемы и методы исследования истории этих групп, а также принципы и способы выделения круга значимых для изучения данной проблемы аспектов.

Список литературы

1. Архив ЗАГС г. Армавира.
2. Архивный отдел администрации г. Армавира (АОАА). Ф. 55. Оп. 1.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454. Оп. 2.
4. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1.
5. Князева Е. Е., Соловьёва Г. Ф. Лютеранские церкви и приходы России XVIII-XX вв.: исторический справочник. СПб., 2001. Ч. 1. 295 с.
6. Кубанский сборник за 1917 г. Екатеринодар, 1917. Т. 22. 114 с.
7. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. URL http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1121/%D0%A1%D0%9E%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%90%D0%AF (дата обращения: 15.04.2014).
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1905. Т. 65. 280 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1090. Оп. 1.
10. Список жителей г. Армавира, промышленных предприятий и обществ, имеющих право участвовать в первоначальном избирательном собрании для выбора гласных Армавирской городской Думы и кандидатов к ним. Армавир, 1915. 84 с.
11. Шнайдер В. Г. Этнокультурная община в городских условиях: опыт локально-исторического исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 215-220.
12. Шнайдер В. Г., Ктиторов С. Н. Немцы Армавира. Армавир: Скорина, 2012. 680 с.

METHODS AND WAYS FOR INVESTIGATING HISTORY OF ETHNOCULTURAL COMMUNITY UNDER URBAN CONDITIONS

Shnaider Vladimir Gennad'evich, Doctor in History, Associate Professor
Kuban State University (Branch) in Armavir
schneiderwg@mail.ru

The article is devoted to the problems of the practical application of some methods and research techniques of "new local history" and micro-history by the example of the studies of the ethnocultural group of the Russian Germans, who resided in the town of Armavir from the end of the XIX century till 1941. The paper touches upon the methods for the identification and investigation of the factors of the self-identification and self-preservation of a small ethnocultural group under continuous habitation among the predominating alien ethnical environment.

Key words and phrases: ethnocultural community; social substratum; factors and symbols of ethnocultural unity; historical-demographical and local analysis; genealogy; the Russian Germans.